

своими собратьями по вере. Фламель в связи с обнаружением книги отметил: «Она могла быть изъята у какого-нибудь несчастного еврея или же найдена в месте его прежнего проживания...»

Во времена Фламеля, увы, уже осталась далеко в прошлом терпимость, с которой относились к евреям в христианских странах в начальный период Средних веков. Неоднократно издававшимися королевскими эдиктами, в частности, Людовика Святого и Филиппа Красивого, все евреи, которые отказывались обратиться в христианство, подлежали изгнанию за пределы Французского королевства.

«Книга Авраама Еврея» включала в себя, помимо текста (в котором французское письмо перемежалось буквами, по поводу коих Фламель заметил: «Мне не удалось разобрать их»), и вполне возможно, что это были буквы еврейского алфавита), представлявшего собой, вероятно, французскую версию еврейского оригинала, ряд символических изображений. Но дадим опять слово самому Фламелю:

«Эта книга содержала три раздела по семь листов. На каждом седьмом листе не было текста... На первом из этих семи листов можно было видеть жезл, вокруг которого обвились две змеи [иначе говоря, был изображен кадуцей, хорошо известный врачебный символ]. На другом из них изображен распятый на кресте змей. На третьем же из семи листов были пустынные пейзажи, где среди песков виднелись прекрасные источники, из которых вылезали и расплзались во все стороны змеи... На третьей и последующих страницах... автор открывает секрет трансмутации металлов. Тут же были нарисованы сосуды [реторты и тигли, используемые для осуществления операций, ведущих к успеху Великого минерального Делания], указано, чередование каких цветов можно наблюдать, а также прочие подробности, однако не упоминался первый агент. Автор изобразил его с большим искусством на всей поверхности четвертого и пятого листов. И хотя этот рисунок был отчетлив и понятен, тем не менее никто не смог бы разгадать его значение, не зная в совершенстве традиции... На четвертой странице среди прочего был изображен молодой человек с крылышками на пятках, державший в руке жезл с обвивающими его двумя змеями, коим он касался своего шлема [можно было узнать Меркурия со своим кадуцеем]...

Напротив него был нарисован летящий на распростертых крыльях мощный старик с песочными часами на голове и косою в руках, как у смерти. [Это - Сатурн, бог времени]...

На другой странице четвертого листа был нарисован прекрасный цветок, который рос на вершине высокой горы, сгибаемый жестокими порывами северного ветра. У цветка были голубой стебель, белые и красные бутоны и сверкающие, как чистое золото, листья. Вокруг него располагались драконы и грифоны, приходящие с севера...

На пятом листе был нарисован распутившийся розовый куст, растущий посреди прекрасного сада под защитой дуплистого дуба [символа алхимической печи]. Из-под его корней брал начало прозрачный источник, впадавший вдалеке в пропасть... На обороте пятого листа был изображен царь, вооруженный большим кинжалом и приказывающий своим солдатам убивать множество младенцев [евангельский эпизод «избиения младенцев»]... кровь которых другие солдаты собирали в большой сосуд, в котором намеревались искупаться Солнце и Луна»[61].

Фламель, не раздумывая, тут же рассказал Пернелле о своем чудесном открытии, и его спутница жизни тоже загорелась надеждой преуспеть в осуществлении Великого Делания.

В надежде найти ключ к разгадке таинственного произведения Николая Фламеля показывал с точностью воспроизведенные рисунки из него многим своим знакомым, которые, как было ему известно, интересовались герметическими изысканиями (например, лицензиату медицины мэтру Ансельму). Но все напрасно: на протяжении двадцати одного года Николая Фламель безрезультатно проделывал всякого рода алхимические опыты. «Поскольку, - говорит он, - в ходе моих работ мне никогда не удавалось заметить знаки, которые, согласно книге, должны появляться спустя определенное время, я начинал свои опыты снова и снова. Наконец... я дал обет Богу и